Юрий Казарин

КАМЕНСКИЕ ЭЛЕГИИ

часть вторая

Казарин Ю. Каменские элегии. Часть вторая : стихотворения / Ю. Казарин. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010.

Новые (2008–2010), а также публиковавшиеся в журнале «Новый мир» стихотворения Юрия Казарина представляют собой вторую часть книги «Каменские элегии».

***

Сколько времени там на весле,
капли две – это горькое чудо:
не успеешь привыкнуть к земле,
как пора закругляться. Отсюда
улетать, потому что зима,
убывать, зависая над телом,
в чем-то белом, наверное, белом
или черном, как вечность сама.
Или в чем-то прозрачном, в чем, ах,
нас выносит в небесную дырку.
И – соленые ленты в зубах,
чтобы не потерять бескозырку.

***

Какие там стихи – идет война…
К. Кавафис

Какая там война – идут стихи:
просохнут слезы, новые родятся
придурки, урки, петухи,
политики, с которыми обняться
придется и народу, и царю,
и пользователям эфира, –

так я в Александрии говорю
устами гибнущего мира.

***

Пахнет ладонь сосной.
Кто-то умрет весной, –
чуют иные глины
бездной без сердцевины.
В бездне полно тепла –
вот она подошла
к окнам твоим вплотную,
песню поет блатную,
что не умрет никто,
так что снимай пальто
и облачайся в ватник.
В небе уже стервятник

к небу стоит спиной –
думает, что сосной
пахнут пила и руки
у мужика, в разлуке
с городом и страной.

Н и ж н е и с е т с к о е

Б. Р.

На кладбище беременная, вот
она, как дождь, сквозь заросли идет,
выходит на дорожку, где мальчишка
пинает что-то лопнувшее – шишка
сосновая, а рядом, дождевик
швырнув на пень, с лопатою мужик,
подвыпивший, советуется с глиной,
где начинать, и с трелью соловьиной
в носу – бродяга горсткою конфет
прохожих угощает, он поэт,
но мертв давно, и вот его волненье
передается воздуху в груди:
так он идет с собакой впереди –
отпущенный землею в увольненье.

****

Кто-то в печной трубе
делает на губе,
локоть вонзив в колено,
траурного Шопена.

Сажа не горяча,
не горячей плеча –
теплится еле-еле,
но поперёк метели.

Музыка вверх пошла,
сажа её бела,
и не болит колено
у печника Шопена.

***

Меж безднами двумя
то лодка, то ресница
качается, стоймя
стоит себе — и длится…

Утешь меня, утешь,
глагол, своим недугом —
своим зияньем меж
значением и звуком.

***

Сколько, Господи, вывалилось из рук
и осталось без света, без имени, в темени
подчиняясь то вялотекущему времени,
то пространству, замкнувшему круг.

Называться – нанизываться на звук,
вещество бытия умножать двойниками
и тянуться к себе через бездну руками,
ускользая из ангельских рук.

***

1.

Между тобой и мной
только шинель. В тепле
лягу к тебе спиной –
то есть спиной к земле.

Чтобы лицом к тому,
что тяжелей земли.
Прямо лицом во тьму
оба с тобой легли.

Станет темней вдвойне
всякая плоти пядь,
чтобы – спина к спине –
бездну оборонять.

2.

Скоро из синевы
снег полетит в окно,
словно душа листвы,
сгнившей давным-давно.

В крылья и в рукава
иней врастёт, как мох.
Иглами божества
трогает землю Бог.

Пёрышко. Призрак. Моль.
Призрака плоть летит.
В поле белеет боль –
времени внешний вид.

****

Хочешь свою страну
в губы поцеловать,
в серую седину,
в снежную благодать,
в белый, как полотно,
в долгих слезах простор, –
соединив в одно
губы, мороз, топор…

****

Взгляд прилипает к птице,
или она – к реснице,
словно к металлу – свет,
к золоту, или, нет,
просто к стеклу, осколку…

Птица в своей глуши,
взгляд натянув, иголку
вытащит из души
вместе с дождём и засухой…

Ах, у Христа за пазухой
ласточки хороши.

***

Запомнишь ли – не мысль, не звук,
не губ гончарную работу,
а исчезающую вдруг
земную ноту.

Чтоб там, где смерть и рождество
ещё в одном – в одном сосуде,
собой расширить вещество,
мерцающее в каждом чуде.

И времени знакомый хруст
не помешает за плечами
услышать полное молчанье
из первых уст.

***

Это воздух морщинистый спит,
подставляя под музыку темя.
Только в трубке пространство сопит –
или время.

Говори, говори, говори –
мне не будет ни лучше, ни хуже,
потому что рыдает внутри
у меня всё, что плачет снаружи.

***

У смерти твоё лицо:
заглянешь ли в озерцо,
в зерцало, в стакан, в кино –
это оно.

Всему, что прошло, сестра.
Выходит, я твой близнец,
ночующий у костра
как зверь. И ему конец.

Ослепнешь от тишины –
а в небе, где нет окна,

горит ещё пол-луны
моей – а твоя темна…

***

Кто-то спросил: – Ну, как? –
ночью в пустом дому.
Я говорю: – Никак, –
этому никому.

Поздно. Я спать пошёл.
Просто оставлю свет.
И положу на стол
парочку сигарет.

***

Удалось полетать во сне
и увидеть себя в окне
или ангела, или… Мимо.
Словно плоть моя вся из дыма
и от ветра неотделима.

У души есть своя душа.
Дождевая ползёт лапша
по стеклу, как в правше левша,
как двуглавый орёл с гроша,
как мышление камыша.

***

Удаляется зрение зверя,
двух стеклянных лепёшек потеря.
Дом на ощупь пройду – и пойму
поведение вещи в дому.

Верхним небом расплющены капли,
два хрусталика, два хрусталя –
это в яблоках мышцы ослабли,
как над хлябью худая земля.

Осязание зверя без кожи –
вон навыкате весь виноград.

У смородины точно такой же
но намного наивнее взгляд…

И мерцает то чёрным, то белым
этот хрящ, этот хвощ, этот лещ.
Так тобой за последним пределом
создана и оплакана вещь.

****

То берег движется, то воды,
то времени клубится плоть.
Но ветер – это взгляд природы,
берущий дерево в щепоть.

Черствеет хлеб. Вино прокисло.
И лодку рвёт чертополох.
И время не имеет смысла,
пока водою дышит бог.

****

Как после смерти, заране,
видишь в четыре утра
ангела в каждом тумане –
знать, на рыбалку пора.
Держит трава молодая
глины хороший ломоть –
это над ним, голодая,
временем дышит Господь.

****

Пойти проведать непогоду,
ворону, палую листву,
природы полную свободу
и сон деревьев наяву.
Увидеть, как дела у коршуна
и как лещи себя ведут,
и сколько прямо с неба скошено
сухой воды в осенний пруд.
Махнуть на всё заморской удочкой,
порвать капроновую нить

и за пчелой последней – дурочкой –
сквозь слёзы горькие следить.

***

Сигаретку держу в горсти:
так заладила, что прости
господи. Аккурат за мной
ангел с мокрой стоит спиной
или просто с глазами пёс,
как всегда, накануне слёз –
прямо в лужу по брюхо врос.
Это лужа в тычках гвоздя
изготовлена из дождя,
как рыбацкий остывший чай
марки «Всё. Я – вода. Прощай».

***

У воды взгляд иконы:
рыбаки бьют поклоны,
ивы долго целуют воду
в облака, в синеву, в погоду,
в золотое листвы успенье,
прямо в волны, в сердцебиенье
мирозданья, в его терпенье.

Осень – это любовь, работа,
а земля задремала что-то,
на лице у неё пилотка –
кверху дном голубая лодка.

***

Юным и сумасшедшим
Гоголь глядит в окно:

будущее прошедшим
стало давным-давно,
нечудотворной силой
вянет его крыло.

Молью его побило,

инеем припекло.

Пальчик из рукавицы,
ты укажи, куда –
прочь – улетели птицы,
может быть навсегда…

****

Меркнут недолгие птичьи следы,
ангел, мой мальчик, бежит вдоль воды.

Плещет вода, переходит в песок,
влажный и теплый, как детский висок
под капюшоном и шапкой,
вязаной, с белой лошадкой,
пересекающей наискосок
все, что прекрасно и скоро в песок
преобразится украдкой…

****

Переведи меня
с дождя на детский лепет
усилием огня,
душа, сомненье, трепет, –

коль свет на том – другой,
чем свет на этом свете:
не вольтовой дугой
он порожден, а дети
его, во сне взлетев,
вынашивают в синий –
мышлением дерев –
в невероятный иней,
иной в конце концов:
так речь врезает в строфы
и мысли мертвецов,
и голоса голгофы.

****
1.
Снегу – на весь континент:

стали заметней снегирь и
клест на ресницах Сибири,
все остальное - Ташкент.

Все остальное – тепло.
Все, что легко и светло
преодолело погоду, -
судорогою свело
в лед, как в бессмертную воду.

Небо повсюду: оно –
вдох, а не выдох в окно
господу снегу в угоду…

2.

Снегу-господину
подставляешь спину.

Звездам среди ночи
открываешь очи.

В небо, прямо в стужу,
отпускаешь душу.

Выбелишь ресницы
в инее-золе,
чтоб не загоститься
на родной земле.

****

К концу недели – ничего,
в кустах – лишай последней стужи,
и красный узел плечевой
затягивается все туже.

Все ту же песню ты поешь
почти без воздуха и кожи,
сведя ямбическую дрожь –
как дробь – к обыкновенной дрожи.

Так дерево в себя растет

зимой, зимой, зимой – и летом.

И медленный его полет
наполнен ужасом и светом.

****

Дождь стучится ко всем сразу:
даже если каждый откроет окно,
разрывая на ветер и слезы фразу,
дождь пройдет все равно
мимо
пуще самого легкого дыма –
то ли вверх, то ли вниз,
вырывая с гвоздями карниз.

****

Дождик чует наготу
женщин, улиц и растений,
словно гений, просто гений,
пишет воду на мосту:
пишет, над теченьем стоя,
пишет время золотое
так, что течь невмоготу.

****

Плачет коза, поднимаясь в горку.
Кто-то затеял в лесу уборку.
Осень. В отхожее сыплют хлорку,
чтобы осело. Курю махорку.
Вот на окошке заело шторку.
Стало светлее. Пусть будет так.
Это, наверно, хороший знак:
коршун выписывает восьмёрку…

****

Е.

Ходит музыка по коже.
Серебрится вдоль дорог
что-то медленное. Боже

мой, я тоже одинок.

Ничего. Я умираю.
И, с закушенной губой,
непогода пахнет с краю
азиатского – тобой.

Ты без музыки танцуешь,
смотришь небу прямо в рот.
Трижды воздух поцелуешь –
и собака подойдёт.

***

Е.

О, вещий холодок, дыхание свободы,
когда, ещё жива, ты плачешь надо мной.
Когда б ты знала, что конец одной природы
есть появленье, может быть, иной.

Ни страха, ни тоски и никакой погоды:
иное вещество, иные дух и твердь,
текущие всегда, как свет, песок и воды,
как то, что вы у вас легко зовёте: смерть.

***

Antony Hegarty / Энтони Хегарти

Прости меня и отпусти,
как дым табачный на свободу –
в окно, которое в горсти
не унести, как свет и воду,
как зимний воздух с белым лбом,
когда морозная надсада
стирает в небе голубом
следы дождя и снегопада.

***

В. Блинову

Вдоль верхних дач и нижних дач,
где пустота в воде двоится,
плывёт подстреленная птица:

о, дикой утки детский плач…

Нет, я не буду птицеловом,
я выпью холод голубой.
И что в начале было словом –
то станет болью и мольбой.

***

В окне – снегопад: прохудился карман,
наверное, главный – и ты засыпаешь.
Обратно в чернильницу первый роман
из полуистлевшей тетради ссыпаешь.
От уст эпилога вся жизнь потекла
из смерти в рожденье и дальше – к зачатью,
к тяжёлому синему женскому платью,
свисающему, как Байкал, со стола.
К трельяжу, одетому в чьё-то пальто,
к дверям, не умеющим настежь открыться,
покуда за ними никто и ничто:
не ангел, не ангел, а снег на реснице.
Не ангел, не ангел, а снежный покров
теснит потолок ослепительной тенью
и, распространяясь, подобно растенью,
мерцает изнанкой неведомых слов.

***

Е.

Эта собака не для езды.
Имя собаки – имя звезды.

Имя собаки – имя цветка
цвета любви и её языка:

Словно от зноя зевнула земля.
Или собака. Собака моя.

Имя собаки – выдох и вдох.
Отчество – Бог.

***

Позолоченная стружка.
Ветром выструганный лес.
Заведёт земная вьюшка
злую вытяжку небес.

Чёрный дрозд летит по краю
неба, белого вдали.
Отвыкаю, отвыкаю,
отвыкаю от земли.

***

Радуется в камине огненная икра.
Рыбы вокруг такие, что умирать пора.
Медленно выплывают из темноты в трубе…
А у одной, над крышей, божий крючок в губе.
Новые – золотые – катятся по стене,
мыслью неуловимой третьи стоят во мне.

Встану во сне и вспомню: пахнут водой слова,
против теченья ночи в небо идёт плотва.
В мире ещё до света, где очертаний нет,
прямо в воде воздушной рыба плывёт как свет.

***

А. Решетову

Эти пальцы, веки эти
онемели в Рождество.
Нет на том, соседнем, свете –
кроме снега – ничего.

Помнят ли при тёмном свете,
как зима вползает в лес, –
птицы, ангелы и дети…
Население небес.

***

И появиться, и пропасть,
и осознать, что область ада –
ненаблюдаемая часть
вотще отпущенного взгляда.

И улетать с душой во рту,
и видеть, как из тени плоской
мороз заборною расчёской
вычёсывает темноту.

***

В белое-белое выйдешь как сон,
или бессонница, мысль золотая,
где с четырёх шестикрылых сторон
сойка кричит, из ушей вылетая.

В черепе ночи мерцает снежок –
высшего смысла конец и начало,
словно на холод выносишь ожог,
чтоб полегчало.

***

Медленно, медленно ваза,
выпав из левого глаза,
бьётся. На звук и на свет
вся распадается. Нет,
и на цветы, и на воду,
на пустоту и свободу
полного небытия…

Вечная ваза моя.

***

Е.

В русских рассыпчатых прозах
блещет старинная нить.
Сорокоградусный воздух

можно по рюмкам разлить.

Пробка морозная. В штопор
с крыши закрученный лёд.
То, что паук недоштопал,
небо снежком обошьёт.

Чувствуешь ночью, родная,
как до утра, до утра
долго вода ледяная
смотрит на нас из ведра.

****

Переночевала рукавица
на дровах – и утром пахнет птицей,
верхним ветром ростом в три версты.
Ах, какие были в ней персты:
с клинописью птичьей на снегу…
Я ещё не старый – я смогу
прочитать сугроб – до глины, весь:

– *Ангелы и птицы были здесь*.

****

Т. Катаевой (Решетовой)

За хлебом. Я иду за хлебом.
Дышу в полях упавшим небом.

Две булки чёрного. Один.
В село. И про валокордин

не позабыть. Вернуться. Лечь.
Проснуться. Рукописи жечь.
Молчать, заглядывая в печь,
как шум дождя – в прямую речь.

***

Е. Дуреко

Намашусь лопатою – и сяду
в чёрствый снег у неба на виду,
погружаясь прямо в колоннаду
снегопада, вставшего в саду.

В белую больничную палату,
белую-пребелую, как стыд,
времени последнюю лопату
сброшу с крыши – пусть оно летит.

***

М. Никулиной

Так холодно, что снится
сама себе синица,
и это снится мне…
Так холодно во сне –
чужом, большом, громоздком, –
что вспыхивает мозгом
воздушный шар зимы.
Где пара мыслей – мы:
синица и прохожий,
на дерево похожий,
растущее из тьмы,
а на плече – синица,
которой бездна снится,
которой снимся мы…

***

Е. Шароновой

Кот поджимает лапки –
на снегу остаются тапки,
в каждом – по четыре
розовых лепестка.
Холодно в этом мире –
ангел в бараньей шапке
трогает облака.

Холодно в этом мире:
в небе, в лесу, в квартире;
кот поджимает лапку –
капает с коготка, –
чтобы себя в охапку
взять как большую шапку
и полетать слегка.

***

Е. Шароновой

Ножницы тьмы и света
выросли из предмета,
чтобы настричь теней
разных и потеменей.

Посередине снега –
выкройки человека,
дыма, собак, плетней –
разных и потемней.
Вечное дважды зряче
с тенью – вдвоём и врозь…

Очи любви – собачьи –
видят тебя насквозь.

***

В ночной трубе гудки загула,
пчелы рождественской басы.
С утра метель перевернула
мои сыпучие часы.
Поёт с воздушного ухаба –
нет, не пчела, а целый шмель.
Она не женщина, не баба.
Она – мужик… Какой метель…
В печи мерцает лишний атом
тепла, тепла наперечёт,
пока пропеллер с циферблатом
его, как жизнь, не рассечёт.

***

Е.

Что-то ещё я хотел… Никак.
Впрочем, уже не важно.
Знаешь, душа возмужала так,
что умирать не страшно.

Стужа слепила пяток ресниц
в свет, в ледяную ржавость,
чтоб не забыть перезябших птиц,
чтобы слеза держалась.

***

М. Никулиной

Зима в деревне холоднее:
в сугробах бездна, леденея,
сухим огнём отражена.
Какая близкая она.
Живу в деревне – прямо в небе,
о боге думаю, о хлебе.
И ангелы средь бела дня
с рябины смотрят на меня.

***

Дождю со снегом

Мороз проницаем и розов,
но горек расплывчатый вид,
где призрак семи паровозов
дымит в деревеньке, дымит.

И некому утром приехать,
и дров остаётся в обрез,
чтоб выдуть алмазную перхоть
из оцепеневших небес.

И водку ласкают селяне,
и стужей душа восстаёт,
когда переходит сиянье
в зияние снежных высот.

И зябнет у жизни запястье –

до смерти: в канун Рождества
сшибаются страшные части
божественного вещества.

И смерть наполняет значеньем
всё, что не уносит с собой:
то музыку точит мученьем,
то бред возвышает мольбой.

Чтоб выйти из сердца, когда
в своём одиночестве тёмном
иголками сыплет вода
в сосуде мороза огромном.

И космос сжимается в дом
узлами сосны: спозаранку
он вывернет снег наизнанку –
и трогает прорубь ведром…

За богом случается бог,
он тоже не может без бога.
И неба хватает на вдох
и даже на выдох немного.

***

Е.

В морозы горький свет: в деревне пахнет дымом,
и на веранде пыль алмазная, когда
вдруг разорвёт бутыль, а воздух невредимым
останется стоять, как в проруби вода.

Без бабочки твой взгляд слоится и порхает –
повсюду снегопад, паденье и полёт.
Но время – это свет, и он тебя вдыхает.
Но вечность – это тьма: она тебя умрёт.

Тесня звезду зрачком, поймёшь в краю убогом:
что, именем своим, пройдя сквозь языки,
Бог остаётся быть двунадесятым богом,
вдувающим озноб в живые позвонки.

И варежку прожжёт алмазная присыпка,

и валенок уйдёт в замёрзший материк.
Когда шагаешь, снег кричит – ещё не скрипка,
и даже на бегу звучит – уже не крик.

На окнах, на садах – повсюду белый дёготь, –
любовь моя слепец, любовь моя беглец:
ей только обнимать, искать, ласкать и трогать,
и очи закрывать всему, что не слепец.

С фонариком луна и ангел с сигаретой,
как вспыхивает спирт – вот так глядит мороз
и плещет голубым, на кровле непрогретой
наращивая соль земли, морей и слёз.

Твоя звезда – с кулак, и тоже пахнет солью,
как кровь твоя, в тебе нашедшая тупик.
Душа хотела стать звездой, а стала болью,
в которую вошла, как музыка в язык.

****

После метелей длинных
синий мороз и нега.
Поле моё в дельфинах
из голубого снега.

Поле моё отвесное,
льётся алмазом брызгая,
сверху слеза небесная,
снизу слеза сибирская.

Ищет пространство ровное,
чтобы ответить чуду, –
звёзды, отполированные
взглядами отовсюду.

****

Е. Дуреко

Озеро в сундуке.
Ключ повернёшь в замке.
С хрустом. Взойдёт звезда

в сооруженье льда.

Нет, не берёт пешня
тёмное око дня.
Инея тесен ворс.
Это огонь намёрз.

Страшная тишина.
Прорва окрест одна.
Свет замерзает. Он
валит со всех сторон –

долго, как смерть, как сон,
как колокольный звон.

****

Т. Снигирёвой

Как сладко мне спалось, как мало.
В слезах очнёшься и поймёшь,
что время здесь и не бывало,
не заходило в эту дрожь.

Вверху, на детской половине,
летают ласточки во сне.

И я иду по тёплой глине,
как муравей идёт по мне.

****

Поползень на заборе.
Что у него во взоре?
Слева окно и я,
справа во все края
лес, а потом тайга,
сломанная нога
линии передач:
будет темно – не плачь.

Всюду зима шурует:
речкой холмы шнурует –

местность пересечённую
трактором истолчённую,
где, подавляя вздох
голоду, волку, вою,
Каменку с Чусовою
в крест заморозил Бог.

***

Здесь наизнанку стынут воды
и стужа – синяя, как стыд,
как белый обморок природы, –
в надрывах дерева болит.

Куски большой молочной крови
до звука вымучают рот,
когда на миг толкучей прорве
тебя беспамятство вернёт.

***

Погладил печь – спадает жар,
я глину мял и плакал ночью,
и на плечах всю ночь держал
округу волчью.

Распеленай меня. Темно
под коркой глины, льда и хлеба
тому, что делает окно
необходимой частью неба.

Е Л Е Н Е

I.

Убивал. Великолепил.
Забывал. Кричал во сне.
Твои губы сжаты в пепел –
в сердце, сжатое во мне.

Прозреваю. Вырываю
взгляд из глаза своего,

чтоб обуглилось по краю
нашей жизни вещество.

Чтобы жгло окно в конверте
белом, снежном, голубом.
Что мне делать после смерти,
к чьей руке прижаться лбом…

В недочитанном романе
два забытых мертвеца:
я и ты – в чужом тумане,
снящаяся без лица.

II.

Ищу тебя. Иду по краю,
где льёт луна, где льёт левша.
Левее – к сердцу. Пропадаю.
Сначала тень. Потом душа.

Во мне зима. Она сквозная.
И я везде. К чему спешить.
Как будто умер я, не зная,
как эту вечность пережить.

III.

Забыть тебя. Уснуть под ёлкой.
Взлететь, как снег, средь бела дня.
О, нитка воздуха, иголкой
мороза вдетая в меня…

Наполнить головокруженьем
глухую бездну без ума,
где между смертью и рожденьем
стеной поставлена зима.

Не просыпаться то и дело,
но помнить звук убитым лбом.
Как будто ласточка задела
свистящий колокол крылом…

IV.

Свет переходит в тьму,
где исчезает время.
Я тебя обниму
и поцелую в темя.

Тьма переходит в дрожь
мысли, души, ресницы…
Если слезу смахнёшь,
будешь ещё светиться.

Необходима тьма,
чтоб заодно с поэтом
вечность сошла с ума
и разразилась светом.

V.

Имя твоё измеряет силу
боли моей и разрыва: с пылу –
с пылу, с жару – вот так, зимой,
я повторю его. Боже мой…

Я повторю его – дважды больно,
трижды, четырежды… Безглагольно,
безголосо кричу в окно,
где от боли моей темно.

VI.

Кто бросил жить, тому хана:
рыдай в себя, вяжись аортою,
как новый март с разбитой мордою,
не отрываясь от окна,
где в рёбрах зимняя тропа
и голый дым, как души грешников,
летит в пустые рты скворешников,
не попадая в черепа.

VII.

Курю в больничном туалете,
тайком, почти на этом свете,
где лампочка из-за угла
беднее зимнего тепла,
где мёртвые ладошки моли,
черпнувшие чрезмерной боли,
навстречу машут, дураку,
и сыплют пепел на башку…

VIII.

Ангел плюнет в потолок –
ох, больничный, ох, высокий.
Недолёт. И мотылёк
опадает одинокий,
белый, серый, голубой,
даже палевый немножко…

И глядит, глядит в окошко
жизнь с закушенной губой.

IX.

Мышка больничная, жизнью шурша,
ищет пожрать. Зачесалась душа
у тишины, темноты, немоты,
шторок, прикрывших квадратные рты,
чтобы беззвучно крича, не вспугнуть
смерти немного и хлеба чуть-чуть,
капельку света откуда-нибудь…

Ангелу ночью очей не сомкнуть.

X.

Ты подожди немного.
Я тишины толмач.
Ангел-хранитель Бога –
время моё, не плачь.

Ангел-хранитель Бога –

время моё в огне.

Я подожду немного.
Сколько осталось мне.

XI.

Когда я умер, стало мне
понятно всё: в каком огне,
во сне, в окне, в каком бреду
куда я, Господи, иду.

Когда я умер, ты прошла
тропою пекла и тепла
по мне, по мне, по мне, по мне,
по мне – во сне, в окне, в огне…

XII.

Небо опрокидывается – никак
не опрокидывается. Ни капли.
Левый в больнице сожму кулак –
это для капельницы, для цапли.

Небо опрокидывается – к нему
я запрокину лицо навстречу:
вижу взгляд, голубую тьму,
отболевшую сном и речью.

Всё, что длится как выдох-вдох,
сверху не льётся, но вверх струится, –
это Бог. Это просто Бог –
слева ангел, а справа птица.

XIII.

Я за окном не стою –
я отражаюсь. Свою
плоть проницаю. Смотри –
брезжут во мне фонари,
и сквозь сердечную пыль
движется автомобиль,
в чресла деревья вросли,

ниже – сугроб из земли
наполовину: весна,
плачет больной у окна –
вот воскрешения взятки,
времени полный – объём –
только в обратном порядке:
морг, хирургия, роддом.

XIV.

Прощай. Что было – не прошло.
И не продёт. И вечно будет.
Оно тебя ещё разбудит
и в окнах выставит стекло,
и поползут из крупных слёз
ночных светил дневные лица…

Обыкновенный снег ложится
на деревянный снег берёз.

XV.

На окне отпечаток руки.
Это женская пятерня.
Это – ты, от любви и тоски
обнимавшая ночью меня.
Сквозь ладонь я смотрю тяжело,
как ворона пытается вкось
пролететь золотое стекло –
словно прошлое наше – насквозь…

XVI.

Холодно. Хорошо.
Стуже сказав «ужо!»,
выйдешь – и задохнёшься.

Может, ещё вернёшься…

В сумерках видно: Бог,
сделав глубокий вдох,
время гребёт лопатой –
воздух – густой, пернатый,

снега тяжёлый мох
то в ворохах, то в плитах…

Кончится время – выдох.

Выше плывут кремли,
белые, без земли –
ельник, его верхушки.
Небо как спирт без кружки –
чистые облака –
ровно на два глотка…

XVII.

Крыша твор*о*г отрыгивает.
Оттепель плачет в оба.
Ветка из рук выпрыгивает,
вылипнув из сугроба.

Это весна, помойщица,
тряпочки разрывая,
в небо своё поморщится –
смерть ты моя живая…

****

В полуслезах, в полубреду
с подземной музыкой иду
к другой – неслыханной, небесной –
оборонять свою беду
и слушать ангелов во льду…

Мне хорошо в твоём аду
молчать над бездной.